

## Nikita Khrushchev, Vospominaniia: Vengerskii soled

**Source:** KHRUSHCHEV, N. S. Vremia. Liudi. Vlast'. Vospominania v 4 tomakh. Tome 2. Moskva: IIK "Moskovskiye Novosti", 1999.

**Copyright:** (c) Moskovskie Novosti

**URL:** [http://www.cvce.eu/obj/nikita\\_khrushchev\\_vospominaniia\\_vengerskii\\_sosed-ru-e8dbd459-2f78-403f-8f6a-4c836fc5bbf1.html](http://www.cvce.eu/obj/nikita_khrushchev_vospominaniia_vengerskii_sosed-ru-e8dbd459-2f78-403f-8f6a-4c836fc5bbf1.html)

**Last updated:** 02/07/2015

## На Женевской встрече лидеров четырех держав

[...]

Встречи и беседы у нас состоялись довольно хорошие, но дело все же никак не двигалось. Да оно и не могло двигаться, потому что встреча глав правительств четырех великих держав — это была затея Черчилля с целью лишь прощупать нас. Он исходил из того, что у нас после смерти Сталина к руководству пришли новые люди, видимо, как он считал, недостаточно компетентные в вопросах международной политики, еще не окрепшие. Вот он и решил, что следует прощупать нас, оказать на нас давление и добиться уступок, нужных империалистическим державам. Так себя и повели представители Англии, Америки и Франции. Они стремились нажать на новое руководство Советского Союза, чтобы вырвать необходимые им гарантии.

Чего же они добивались? Какие главные цели ставили? Основной проблемой явился вопрос об объединении Германии. Они стремились вытеснить социалистические начала с территории Германской Демократической Республики и решить по-своему вопрос объединения двух германских государств, то есть на основе ликвидации зачатков социализма, которые стали возникать в Германской Демократической Республике. Они хотели иметь единую капиталистическую Германию и, конечно, в составе НАТО. Мы же преследовали другие цели: хотели заключения мирного договора с Германией, признания существования двух германских государств и предоставления возможности каждому из них развиваться на основе, которую выберут себе народы каждой из двух немецких республик.

Фактически мы стремились добиться обеспечения невмешательства во внутренние дела ГДР со стороны западных держав и подписания мирного договора именно на этой основе. Только так можно было создать условия для мирного сосуществования. Самым главным стал вопрос обеспечения мира. Но наши партнеры были далеки от того, чтобы пойти на те мероприятия, которые мы предлагали. Они поставили условия, с которыми мы не могли согласиться. Поэтому Женевская встреча была обречена на провал. Буквально так и формулировались результаты встречи: провал. По деловому содержанию документов, которые были приняты, она фактически оказалась безрезультатной.

Однако встречу нельзя все же назвать бесполезной. Польза от нее была. После официальных заседаний, как это принято согласно международным правилам вежливости, каждая делегация в определенный вечер приглашала другую делегацию на обед или ужин. Там продолжался обмен мнениями уже после официальных переговоров. На пленарных заседаниях делегаций четырех держав тоже шел обмен мнениями, и каждая делегация высказывала свою точку зрения. А во время обедов та или другая делегация прощупывала гостей по всем вопросам, которые ее интересовали. И хотя мы ни о чем не договорились, но поняли, что можем разговаривать за столом переговоров. Впервые за послевоенное время встретились главы четырех великих держав. Тогда возник так называемый «дух Женевы» народы вздохнули свободнее, все почувствовали, что война, на пороге которой мы стояли, отодвинулась. Именно с Женевы начался тот долгий и нелегкий путь, который привел нас к разрядке, к заключению соглашений о запрещении испытаний ядерного оружия и подписания других важных документов. Этот путь был непрост и нелегок, и многое еще предстоит сделать в будущем. Однако приятно сознавать, что мы были в самом начале этой дороги и первыми пустились в неизведанное на поиски путей обеспечения мирного сосуществования, двинулись по узкой тропе, ведущей из Дворца Лиги Наций в Женеве.

Соединенные Штаты Америки: беседы с делегацией США и их президентом носили довольно дружеский характер и проходили в нормальных условиях. Однако нормальные условия не означают того, что они шли на уступки. США не могли в то время пойти на уступки. Ведь тогда, в частности, еще был жив Даллес, который и определял международную политику США, а вовсе не президент Эйзенхауэр. Хочу рассказать о такой картине, которую я наблюдал на пленарном заседании. Поочередно председательствовали главы делегаций. Когда председательствовал Эйзенхауэр, Даллес сидел справа от него, а я сидел слева от главы нашей делегации Булганина. Таким образом, я оказался рядом с Даллесом, отделенный только переводчиком.

[...]

Вот так прошло наше совещание в Женеве. Мы вернулись оттуда, не добившись желаемых результатов. Но это будет не совсем точно. Все-таки результат имелся: мы как-то нарушили изоляцию, которая существовала раньше вокруг нас. Это выразилось хотя бы в том, что Англия пригласила нас в гости, и мы это приглашение приняли. По тому времени это являлось хоть каким-то прорывом фронта.

Эта встреча дала многое. Во-первых, она дала нам возможность лично познакомиться. Мы лучше узнали позиции друг друга. Встреча происходила после смерти Сталина, и западные страны, в свою очередь, познакомились с новыми руководителями СССР. Они смогли взвесить, что это за люди и на что они способны, чего можно от них ожидать. Смогут ли они путем нажима что-то от нас получить или нет. И мы тоже конкретнее и реальнее смогли представить себе наших оппонентов. Документ, который мы приняли, тоже значил немало. Он, конечно, выявил разногласия по коренному вопросу, но зато создалось определенное понимание того, где мы еще не подготовлены решать вопросы путем переговоров. Вопрос остался в исходном положении.

Я считаю, что встреча для нас была очень полезной. Если говорить о себе, то я ее рассматривал как наш экзамен, как выход в люди, пробу сил и примерку к плечу партнеров, представлявших другие страны, оценку их понимания вопросов в сравнении со своим. Это имеет большое, очень большое значение для руководителей. Особенно для нас, людей, которые долгое время жили под крылышком Сталина. Сталин сам решал все международные вопросы, давал направления внешней политики СССР, и вдруг мы остались без Сталина.

Надо было, как говорится, на людей посмотреть и себя показать. Нам хотелось узнать получше характеры людей, их подход к решению государственных вопросов и прочие качества, которые необходимо знать о каждом политическом деятеле. Нужно знать своего партнера, знать своего противника, чтобы лучше строить свою политику. Это позволяет понять, по каким вопросам и на какой основе можно договориться, а по каким вопросам договориться нельзя. Зная людей, легче понять, как строить взаимоотношения со странами, с которыми у нас есть спорные вопросы. Это имеет большое значение. Всегда противные стороны ищут разные подходы к решению вопросов: то расстилают мягкие ковры, по которым шагают неслышной, кошачьей, мягкой походкой, то вдруг начинают рычать и издавать другие угрожающие звуки. В политике все должно быть соразмерено. Если, как говорится, на полтона выше возьмешь, можешь кальсоны испачкать; а с другой стороны, не доберешь эти полтона, покажешь, что ты не понимаешь вопроса, и тогда противник или насыдет на тебя, или перестанет уважать тебя, считаться с тобой.

Одним словом, взаимное обнюхивание, взаимное обхаживание на официальных и неофициальных заседаниях, а особенно при встречах, на ужинах и обедах очень много дают с точки зрения познания партнера, познания деятелей международной политики и глав государств, с которыми надо жить в мире или в войне. Во всяком случае, жить. Ведь мы живем на одной планете, и нерешенные вопросы беспокоят каждого. Надо примериться, как жить, как строить свои взаимоотношения. Я считаю, что в Женеве состоялась очень полезная встреча. Она имела большое значение для нашего советского государства, для нашего руководства. Из прощупывания, я считаю, наша делегация вышла с честью, выполнила задачи, возложенные на нас нашим советским правительством и нашим Центральным Комитетом.

Я все рассказываю от собственного имени. Некоторые могут сказать, что же, там других не было? Тем более, что главой делегации был Булганин. Там был Молотов, был Жуков и дополнительный аппарат из отдела политической информации ЦК. Я высказываюсь от своего имени, потому что диктую свои воспоминания. Конечно, и все другие лица вели беседы, высказывались и имели свое мнение. Но общая политическая направленность была у нас единой, без всяких оттенков. Поэтому и позиция, которую я излагал, была единой. Это, собственно, была правительственная позиция, позиция Центрального Комитета. Никаких иных мнений в нашей делегации вообще не было. Я хотел

бы, чтобы меня правильно поняли те, кто будет знакомиться с моими записями. Когда мы вели беседу за столом, то главы делегаций чаще адресовались ко мне персонально. Конечно, ко всем обращались, и вроде на равных. Но я чувствовал, что и Идеи, и Эйзенхауэр, я уж не говорю об Эдгаре Форе, обращались чаще ко мне. Когда возникали вопросы, на которые, я считал, должен был ответить глава государства, я придерживал себя и, как говорится, становился за спину Булганина. Булганин же часто как бы подталкивал меня плечом. «Отвечай ты, отвечай ты...» — шептал он мне. И я отвечал. Не уклонялся.

А Молотов? Молотов из нас был наиболее опытен в политических переговорах. Он уже не раз участвовал в подобных конференциях во времена Сталина. Но он уже приобрел определенную репутацию. Человек «НЕТ» — так говорили о нем. Поэтому, может быть, западные лидеры считали, что с Хрущевым легче договориться. Скорее всего, они понимали, конечно, что структура нашего государства держится на марксистско-ленинском учении, и поэтому роль партии, роль Центрального Комитета, а следовательно, и роль первого секретаря ЦК велика. Одним словом, не скрою, что мне приходилось больше всего отвечать на вопросы. На официальных же заседаниях все разговоры от имени нашей делегации вел только Булганин, и никто больше. Мы все только слушали, смотрели, следили, наблюдали, не больше.

Мы хотели, чтобы наша делегация выглядела солидно и чтобы наш глава государства не походил на Эйзенхауэра, который наглядно продемонстрировал свою подчиненную позицию, пользуясь открытыми подсказками в виде записок Даллеса. Мы по всем вопросам договаривались заранее, и Булганин в целом уверенно отвечал на все вопросы. Если по ходу заседаний нужно было реагировать на неожиданную реплику наших партнеров, то мы немножко перешептывались, это вполне допустимо, и опять Булганин давал ответ. Хочу быть правильно понятым: я не только не покушался, а наоборот, оберегал достоинство главы нашего правительства.

Когда закончились встречи и делегации стали разъезжаться (не помню сейчас, в каком порядке они отбывали из Женевы), мы заранее условились, что, возвращаясь на Родину, заедем в Берлин, где проведем консультации и сделаем совместное с правительством ГДР заявление. Так мы и поступили.

Прибыли мы в Берлин. Там нас встретили с большими почестями. Толпы народа вышли встречать нас и встречали очень хорошо. Я потом много раз бывал в Берлине, но мне особенно запомнилась та, первая встреча. Это, кажется, был мой первый визит туда в официальном положении. Я побывал в Берлине в 1945 г., после подписания Потсдамского соглашения, но тогда я ездил инкогнито, как частное лицо, желая познакомиться с городским хозяйством Берлина. А теперь мы официально представляли Советский Союз, поэтому встреча была организована шумная и пышная.

Меня она поразила. Я-то думал, что после кровопролитной войны и взаимного истребления, которое война принесла немецкому народу и народам Советского Союза, вряд ли можно ожидать какой-то теплоты при встрече. Даже полагал, что могут быть какие-то проявления враждебности. Конечно, на некоторых лицах были заметны довольно кислые мины. Но таких людей встретилось немного. В большинстве своем люди, которые встречали нас, были настроены дружелюбно и вели себя довольно активно. Как я считал, это свидетельствовало о том, что немцы насытились войной и искренне хотят строить с нами дружеские отношения. Переговоры, которые мы имели с руководством ГДР, были хорошими, велись в должном духе. Принятые документы соответствовали пожеланиям обеих сторон. Эти документы были опубликованы.

Мы пошли на такой шаг для того, чтобы правильно сориентировать общественное мнение. Ведь декларация, подписанная четырьмя делегациями в Женеве, по некоторым пунктам давала возможность разного толкования. Мы толковали их по-своему, другая сторона — тоже по-своему. Только в результате такого компромисса мы вообще сумели подписать документ, ибо не хотели разъехаться безрезультатно. Но мы и не хотели, чтобы эти пункты толковались как наша уступка принципиального характера: сделали на этот счет публичное заявление в Женеве и повторили его в двустороннем заявлении, подписанном представителями СССР и ГДР.

Так закончился наш первый выезд в качестве руководителей страны Советов за границу. Мы встретились с главами буржуазных правительств, себя показали и на них посмотрели. Я бы сказал, что здесь мы держали в какой-то степени экзамен, можем ли мы достойно представлять свою страну, не поддаваться запугиванию и не проявлять излишних надежд, а трезво подойти к оценке сложившейся обстановки. Говорю это к тому, что Сталин все время, до самой смерти, когда раздражался, повторял: «Вот умру, передушат вас, как куропаток, империалистические державы. Не сумеете вы отстоять советское государство». Этим он нас всегда попрекал, а мы отмалчивались, потому что было бесполезно вступать с ним в спор. Да он и сам не требовал от нас каких-то контрзаявлений. Теперь же нам было интересно побывать за границей, встретиться с представителями буржуазных стран и пощупать их.

Нам это нужно было и потому, что мы считали, что Сталин не всегда трезво подходил к оценке международного положения, преувеличивая роль наших Вооруженных Сил. Он считал, что мы, запугивая империалистов, тем самым сохраняем зыбкий мир. Он каждый час ждал новой войны, вокруг Москвы все время находилась наготове зенитная артиллерия. Сталин оценивал послевоенное международное положение неправильно, полагая, что империалистические державы нападут на Советский Союз, хотя на самом деле такой ситуации тогда не существовало. Видимо, он сам себя запугал возможностью нападения на СССР и считал, что после его смерти мы не сможем организовать оборону, что нас сомнут капиталистические державы.

Наша поездка в Женеву еще раз убедила нас в том, что никакой предвоенной ситуации в то время не существовало, а наши вероятные противники боялись нас так же, как мы их. Поэтому они тоже бряцали оружием, старались нажать на нас, пойти на выгодное для них соглашение. С другой стороны, они тоже знали границу, которую им не следует переступить, и вели себя осмотрительно, считаясь с нашим сопротивлением и видя, что путем силы, путем вымогательства они не смогут получить то, чего бы хотели. Они поняли, что надо строить отношения с нами на другой основе. Вот почему та поездка была полезной, хотя реально ничего нам не дала. Взаимное прощупывание при встречах тоже имело свои положительные результаты, хотя бы и в том смысле, что за рубежом увидели, что мы достойно представляем свою страну и готовы защищать завоевания революции, защищать соглашения, заключенные в результате разгрома Германии, так что вырвать то, чего они хотели, и поправить Потсдамское соглашение в пользу Запада им не удастся.

Что я еще забыл? Что упустил? Что еще заслуживает внимания?.. Наша делегация работала дружно. Когда мы собирались, совещались, обменивались мнениями, у нас не возникало никаких разногласий. Абсолютно никаких. Это радовало меня и создавало все условия для выработки нашей общей позиции и наступления на противные стороны. Мы старались отстаивать свою точку зрения и добивались максимально возможного для обеспечения мира. Мы подталкивали наших собеседников к осознанию того, что только мирное сосуществование, его признание поможет нам не столкнуться. Противостоящие стороны уже довольно основательно насыщены вооружением, идет наращивание опасного ядерного оружия.

[...]